

ОСОБЕННОСТИ ЛОББИРОВАНИЯ КРУПНЫХ КОРПОРАЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ ГЛОБАЛЬНОГО МЕГАПОЛИСА (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ПРОГРАММЫ РЕНОВАЦИИ) – I

Андрей ДЕГТЯРЕВ
РУДН им. П. Лумумбы

Артём ПОТАПКИН
МГИМО МИД России

Аннотация: В статье рассматривается лоббистская активность корпорации ПИК в контексте политико-управленческой динамики глобального мегаполиса Москвы. Для осуществления целей этого исследования в научный оборот вводится и обосновывается концепция «конверсии» как циклического процесса учета и инкорпорирования в публичную повестку глобального мегаполиса интересов отдельных крупных бизнес-организаций как социально-политических стейкхолдеров в рамках их основной деятельности по производству ренты и максимизации прибыли. В первой части статьи предпринимается анализ учета воздействия международного контекста, комплекса условий и факторов на осуществление строительной политики и ведение лоббистской деятельности крупным девелоперским бизнесом. В работе проводится и обосновывается аналитическое разграничение общих категорий «лоббирования» как микрополитической активности негосударственных стейкхолдеров, с одной стороны, и, с другой, – «лоббизма» как отраслевой макросистемы функционального представительства интересов.

Ключевые слова: лоббистская деятельность, глобальный мегаполис, микролоббирование, конверсия представления интересов, макросистема отраслевого лоббизма

Дегтярев Андрей Алексеевич – кандидат философских наук, доцент РУДН им. П. Лумумбы.
ORCID: 0000-0001-8167-209. E-mail: andrew.a.degtyarev@gmail.com
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Потапкин Артём Сергеевич – магистрант Факультета управления и политики, МГИМО МИД России.
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 11.10.2022

Принята к публикации: 07.12.2022

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов или кандидатов наук «Механизм участия бизнес-организаций в макродинамике политико-управленческого процесса современной России (анализ осуществления влияния на отраслевую регуляторную политику федеральных органов государственной власти)».

Социально-политическая и экономическая жизнедеятельность Москвы как столичного и мирового мегаполиса имеет важное значение на национально-государственном и региональном (субнациональном) «макроуровне» общественного развития, в рамках «микроуровня» политической активности его ключевых стейкхолдеров и в аспектах наднациональной и международной политики, то есть на еще более высоких «мегауровнях». Подобное комплексное взаимодействие особенно ярко проявляется в ходе анализа таких «мегаполисных мегапроектов», как Программа реновации жилья, которая началась в Москве в середине 2010-х гг., а затраты на нее уже измеряются миллионами запланированных и построенных квадратных метров и триллионами рублей инвестиций городского бюджета и корпоративного сектора.

В данной работе предпринимается попытка выяснить ряд вопросов, связанных с некоторыми особенностями политической динамики в ходе управления глобальным мегаполисом Москвой. В частности, рассматриваются органично встроенные в социально-политическую динамику циклически-трансформационные взаимоотношения между лоббированием крупных девелоперских бизнес-организаций (на примере компании ПИК), *представлением* их интересов на микроуровне, и макроуровнем функционирования строительного лоббизма как отраслевой подсистемы функционального *представительства*. В качестве рабочей модели в данном исследовании в научный оборот вводится концепция «*спатильно-уровневой конверсии*», отражающая циклический процесс учета (инкорпорирования) индивидуального и группового интереса акционеров и бизнес-организаций как политических агентов-стейкхолдеров (в рамках их деятельности по производству политической ренты и максимизации экономической прибыли) в трансформационном цикле построения комплексной структуры «формулы интересов» и государственно-управленческого определения общественной проблемы (публичной повестки) посредством их представления, продвижения и осуществления политического влияния. Для решения задачи использовался качественный метод кейс-стади (дополненный анализом документов, включенным наблюдением и экспертными интервью¹), связанный с анализом хода проактивного участия компании ПИК в продвижении самой крупной в России и Европе городской Программы московской реновации (ПМР).

Методологические аспекты интерпретации структуры лоббистской сферы представления и представительства интересов

Прошло почти три десятилетия с тех пор, как в России сформировалась многоукладная структура новых рыночных отношений, а также сложилась постсоветская политическая система. В этих условиях произошло образование двух базовых подсистем репрезентации социальных интересов – «пря-

¹ Для сбора эмпирических данных с последующей их обработкой была проведена серия из 32 экспертных интервью с городскими депутатами Мосгордумы и районных советов Москвы, работниками столичной администрации, отраслевых научно-аналитических центров, архитектурно-планировочных организаций и др.

мого» (президентско-парламентского) и «функционального» (лоббистского) представительства. Параллельно с этими макросоциальными процессами, возможно, не слишком заметно, происходит рекрутирование и складывание целой армии профессиональных лоббистов, работающих в GR-отделах крупных корпораций, в структуре деловых ассоциаций (отраслевых и межсекторных) и в консалтинговых фирмах. Эти специалисты занимаются так называемым «представлением и продвижением» частных интересов бизнес-организаций (прежде всего, крупных корпораций) в комплексном пространстве публичной политики для оказания влияния на процессы принятия решений органами государственной власти (ОГВ). За последнюю четверть века в России возникли и первые профессиональные объединения российских лоббистов – Ассоциация специалистов по связям бизнеса и государства (GR-Лига) и Национальный союз лоббистов (НСЛ). Появилось также полдюжины проектов федеральных законов по регулированию лоббистской деятельности и институционализации механизма представления и продвижения интересов, то есть созданию нормативно-правовой базы системы российского лоббизма. Был подготовлен проект профессионального стандарта «Специалист по взаимодействию с органами государственной и муниципальной власти, некоммерческими организациями, представлению и продвижению интересов»².

Современные исследования в рамках данной области осуществляют преимущественно на объемном междисциплинарном поле, состоящем из разработок специалистов, прежде всего, в сфере политологии, с учетом знаний из социологии и экономики, корпоративного и социального управления. В то же время, несмотря на комплексный характер указанной проблематики, можно выделить три базовых проблемно-тематических блока, в границах которых уже разрабатывается данное исследовательское направление.

В первой подгруппе сформировался обширный кластер традиционной-политологической литературы по описанию процессов *лоббирования* как микрополитической структуры деятельности по осуществлению влияния различных негосударственных организаций на ОГВ (Автономов, 2004; Сморгунов, 2016; Nownes, 2006; Baumgartner, Berry, Hojnacki et al., 2009; Drutman, 2015). С 1980-х гг. появляется новая волна исследований и публикаций по корпоративной политической активности (*corporate political activity*), то есть микрополитическому поведению и деятельности современных крупных корпораций в различных отраслях экономической и социальной политики (Перегудов, 2006; Hillman, Hitt, 1999; Lawton, McGuire, Rajwani, 2013; Schuler, Rehbein, Green, 2019)³.

² Профессиональный стандарт (проект) «Специалист по взаимодействию с органами государственной и муниципальной власти, некоммерческими организациями, представлению и продвижению интересов (лоббист). Ачкасова В.А., Минтусов И.Е., Филатова И.Г., ред. (2021) *GR и лоббизм: теория и технологии: учебник для вузов. 2-е изд.* Москва: Издательство «Юрайт».

³ DeNicola P., Freed B.F., Passantino S.C., and Sandstrom K.J. (2010) *Handbook of Corporate Political Activity: Emerging Corporate Government Issues*. New York, The Conference Board.

Вторая подгруппа традиционной политологической литературы содержит достаточно большой объем информации и разветвленную проблематику по лоббизму как макрополитической структуре, то есть общей подсистеме функционального представительства групповых интересов и институту правовой и политической системы (Белоусов, 2005; Парвоз, 2016; Каневский, 2019; Berry, Wilcox, 2018).

И, наконец, особо выделяется третья подгруппа политологических трудов (хотя пока трудно относить ее к мейнстриму), связанная с проблемой трансформации индивидуально-группового поведения в деятельность микроорганизаций и ее преобразования затем уже в функционирование макрополитических институтов, то есть затрагивающая как раз комплексные вопросы микро-макро-переходов (т.е. механизмы «спатальной конверсии») (Веретенникова, Шатковская, 2012; Дегтярев, 2020; Eulau, 1969; Eulau, 1996; Morgan, 2011; Dahan, 2013).

Следует дать оценку современному состоянию разработанности данной проблемной области. Во-первых, в российской литературе по лоббизму еще не сформировалось единого и стройного категориально-терминологического аппарата для описания всей этой субдисциплинарной области. Прежде всего, зачастую путаются или отождествляются базовые категории лоббизма и лоббирования. Категория «лоббизм» (*lobbyism*) связана, прежде всего, с макроуровнями интегральной активности и их системно-структурными характеристиками, в то время как понятие «лоббирование» (*lobbying*) больше описывает микроуровни лоббистской активности, рентаобразующей деятельности и стратегий политического поведения негосударственных агентов. Это частный случай пока что не обозначенной и преодолеваемой дилеммы «микроагент – макроструктура», стоящей в классической социальной теории. И здесь доминирует редуцирующая стилистика (за исключением анализа элитных группировок), когда комплексная и конфликтная структура социально-политического представительства интересов порой сводится к весьма упрощенным макромоделям, где отдельный агент довольно легко продвигает свои интересы по очищенным от внешних помех и действий «недругов» эталонным каналам коммуникации. В то же время в анализе ряда современных процессов политического участия требуется нередко описать и объяснить переход (*конверсию*) к иной исследовательской оптике, образно говоря, от «мелкой клетки» стратегии и тактики действий микроакторов (на основе индивидуальных и групповых ценностей и интересов) к более «крупной клетке», то есть от их реагирования на «прямое» и исходное воздействие макрофакторов вплоть до его результатов и последствий «обратного» микродействия на последующую макротрансформацию.

Во-вторых, в зарубежной специальной литературе имеется большое разнообразие вариантов идентификации поведения микроагентов (концепты акторов и агентов, участников и стейкхолдеров, и пр.) лоббирования. При этом также несколько упрощается их взаимосвязь, которую нередко сводят

лишь к самому наличию некоего «макροокружения» как условия организации микроактивности лоббистов (Dörrenbächer, Geppert, 2009; Berry, Wilcox, 2018). В итоге пока трудно обнаружить и удовлетворительное «разведение и соединение» (с его релевантным обоснованием) *концепта «лоббизм»* как макрополитической подсистемы функционального представительства интересов (используемый наряду с концептом «партийно-электоральная система» прямого представительства интересов) с концептом *«лоббирование»* как микрополитической деятельности и линии поведения негосударственных акторов по оказанию влияния и давления на центры принятия и осуществления государственных решений, которое в своей совокупности и образует динамическую макроструктуру. Пока что практически нет разделяемых большинством специалистов концептуальных разработок для четкого различения и ясного разграничения иерархического места агентов (носителей и представителей интересов) в рамках «представительства» интересов в *макросистеме* функционирования «лоббизма» с их же ролью «представления» интересов уже в *микросистеме* осуществления «лоббирования».

Поэтому для решения проблемы различения и построения многоуровневой структуры и динамики лоббистских действий (лоббирования) агентов и устойчивых систем взаимоотношений (лоббизма), попробуем выделить основные уровни и типы взаимодействий субъектов негосударственного влияния и агентов публичного властвования, рассматривая их в некоей линейной и редуцированной логике продвижения «снизу вверх», от индивидуальных интересов бизнесменов и их групповых носителей до сложнейшей и гиперкомплексной комбинаторики партикулярных и национальных интересов в международных (транснациональных и наднациональных) лоббистских альянсах глобального бизнеса.

Во-первых, в «микроформате» исходные взаимодействия лоббирующего субъекта с лоббируемым агентом могут выражаться в личностной проекции взаимоотношения собственника-акционера и топ-менеджера крупного бизнеса, иницирующего представление индивидуальных и партикулярных интересов, с уполномоченным чиновником как представителем государственного органа. Так же как они возможны и на уровне малых групп руководящих бизнесменов, постепенно продвигающих интересы своего бизнеса в публичную повестку, через диалог группировок экономической и политической элиты (например, в рамках элитарных клубов и собраний).

Во-вторых, на «мезоуровне» подключаются уже общие ресурсы лоббирования секторальных организаций бизнеса, в том числе, направленное воздействие GR-подразделений корпораций и деловых ассоциаций, которые оказывают совместное влияние на профильные подразделения (департаменты и отделы) отраслевых ОГВ, то есть министерств и ведомств.

В-третьих, на «макροуровне» функционирования политической системы и публично-государственной политики (где принимаются итоговые решения) корпоративные интересы и проблемы продвигаются в национальную (фе-

деральную и региональную) повестку крупными коалициями, включающими различных стейкхолдеров (от менеджмента и персонала фирмы до профсоюзов и деловых ассоциаций, партий и СМИ, и др.).

Наконец, в-четвертых, возможен также вариант взаимодействия национально-государственных и наднациональных агентов бизнеса и на «мегауровне», как это происходит с современной динамикой системы евролоббизма, в рамках которой активно продвигают свои интересы многие транснациональные компании (ТНК) и транснациональные банки (ТНБ). Указанные выше уровни и подуровни взаимодействия лоббирующих субъектов и лоббируемых объектов в более развернутом и систематизированном формате можно представить в табличном виде (см. таблицу).

Таблица. Уровни и типы взаимодействия государственных и негосударственных агентов

Table. Levels and types of interaction between state and non-state agents

Уровни / типы взаимодействия	Агенты взаимодействия	
	субъекты влияния (агенты негосударственного влияния)	объекты влияния (агенты публичного властвования)
<i>Микроуровень</i>		
межличностный (интерперсональный)	индивидуальные представители организаций 2-го и 3-го секторов	персональные уполномоченные госслужащие 1-го сектора
микрогрупповой (малые группы)	малые группы гражданского общества (сетевые стейкхолдеры / «клики») 2-го и 3-го секторов	малые группы политэлиты / госбюрократии (политико-бюрократические группировки / «кланы») 1-го сектора
<i>Мезоуровень</i>		
мезогрупповой (большие группы)	социально-адресные группы сегменты гражданского общества / сетевые коалиции стейкхолдеров	элитные и бюрократические группировки (сегменты политической элиты / отраслевой государственной бюрократии)
межорганизационный	автономные организации гражданского общества / деловые ассоциации и саморегулируемые организации / НКО	структурные / автономные подразделения (организации) различных институтов государства
<i>Макроуровень</i>		
локально-региональный (субинституциональный)	локально-региональные субинституты гражданского общества	локально-региональные субинституты государства
межинституциональный	центральные институты гражданского общества	центральные институты национального государства

межсекторальный	2-й сектор (бизнес-управление) 3-й сектор (НГО-управление)	1-й сектор (государственное управление)
<i>Мегауровень</i>		
кросснациональный	зарубежные (национальные) корпорации / общественные объединения и НКО	национальные (зарубежные) органы государственной власти (ОГВ)
транснациональный	транснациональные корпорации международные социальные движения и НКО	национальные органы государственной власти (ОГВ)
супранациональный (надгосударственный)	бизнес-корпорации социальные движения общественные объединения и НКО	наднациональные институты (ЕС и ЕАЭС)
глобальный	транснациональные корпорации международные социальные движения и НКО	международные правительственные организации

Возможно, дальше всех в вопросах *пространственной динамики между-уровневых переходов* пока что продвинулись социологи в рамках новых разработок общесоциальной парадигмы «структура-агент (*structure-agency*)» (М. Арчер, Э. Гидденс, П. Штомпка, и др.), в соответствии с которой произошло размежевание обширного концептуального поля на два типа метаподходов – «холистских» и «активистских». Также отметим, что указанная проблема давно нашла свое место в рамках классического разграничения макро- и микро-экономических процессов, например, предметных областей теорий рынка и фирмы. В политологии же попытки теоретической разработки проблем «*микро-макро-перехода*» в политических процессах (в рамках флуктуирующего пространственного континуума их «жизненных циклов») осуществлялись в рамках базовых «активистских» подходов: бихевиорализма (Eulau, 1969; Eulau, 1996), рационального выбора и групповой репрезентации (Baumgartner, Leech, 1998). В контексте «холистского» системно-функционального подхода Д. Истоном была выдвинута весьма продуктивная (и основополагающая для данного дискурса) идея «*конверсии*» частно-социальных требований в интегральные публичные решения, а Г. Алмондом также была разработана интересная методологическая схема «*микро-макро-перехода*» – начиная от политической социализации и идентификации к артикуляции, и затем – от агрегирования частных интересов – к общей и интегральной «формуле интересов» при выработке и принятии уже публичного решения (Almond, Bingham Powell, 1988).

В этой связи возникает следующий исследовательский вопрос: каким образом происходит процесс постепенной трансформации активности носителей экономических интересов и драйверов социально-политических проблем – от микроуровня (индивидуальных носителей и их делегатов-представителей партикулярных интересов) до макроуровня (образования широких альянсов и компромиссных соглашений в рамках лоббистской системы взаимоотношений с комплексными «формулами интересов»), какие этапы данного процесса существуют, и в каких форматах он проходит? Для ответа на вопрос потребуется некая оригинальная и концептуальная разработка в рамках общей логики *микро-макро-перехода*. Но здесь же одновременно и закономерно возникает вопрос роли и значения «верхних» наднациональных и международных мегафакторов в городской политической динамике, а также степени учета их воздействия на процессы лоббирования крупного корпоративного бизнеса.

Проблема учета международного контекста в политической динамике управления московским мегаполисом

В ходе основных этапов разработки и реализации комплекса городских решений, связанных с долгосрочным реновационным мегапроектом, ощути-мо переплелись и столкнулись многие векторы и линии поведения разнородных политических акторов: городской бюрократии и депутатского корпуса, отечественных девелоперов и профессиональных лоббистов, иностранных инвесторов и рабочих-строителей, городских жителей и общественных активистов, а также местных сообществ граждан (например, семей-резидентов и домохозяйств трудовых мигрантов) и групп бизнес-интересов из стран СНГ. К примеру, в постковидный период начала 2020-х гг. Мэрия Москвы анонсировала планы резкого ограничения числа и квоты иностранных трудовых мигрантов от общего числа рабочей силы, занятой в городском строительном секторе⁴. Вероятность принятия такого решения почти сразу же вызвала весьма умело скоординированную лоббистскую контрактивную девелоперских корпораций и основных строительных компаний, обычно жестко конкурирующих между собой на московском отраслевом рынке недвижимости.

В отечественной литературе уже около двух десятилетий достаточно активно обсуждаются вопросы о роли глобальных городов в политико-экономической системе мировых и международных взаимодействий (Сассен, 2007; Федякин, 2015; Лебедева, 2019), а также проблемы взаимосвязи международных и внутренних факторов политического управления мегаполисами, в рамках которого аккумулируются и размещаются, распределяются и контролируются огромные финансово-экономические и социально-демографические ресурсы общества (Прохоров, 2021; Beissinger, 2022). Кроме указанных

⁴ Собянин поручил уменьшить число мигрантов на стройках по реновации (2021). *Интерфакс*. 17 ноября, 2021. Available at: <https://www.interfax.ru/moscow/803530> (дата обращения: 20.03.2022).

концепций глобального города и мирового мегаполиса, известный интерес для методологии анализа комплексной динамики и многомерной системы управления Москвой могут представлять также концепты «многоуровневого управления» в мирополитическом континууме (Чихарев, Рамонова, 2011: 10), «микрорепублики в глобальном контексте» (Мусяенко, 2003: 87–97), и, наконец, некоторые модели «глокализации» (Кирьянова, 2007: 50–52). И следует здесь особенно выделить статью Т.В. Мусяенко «Генезис микрорепублики как области компаративного политического знания», в которой поднимаются важные вопросы сравнительного анализа микрорепублических процессов в мультиуровневом пространственном измерении (Мусяенко, 2001).

Важно отметить, что даже в нынешний непростой период Москва взаимодействует с другими столицами, регионами и государствами на всех континентах и на самых различных уровнях, поддерживая контакты с более чем 150 зарубежными городами и регионами в 97 странах мира. В этой комплексной системе происходит взаимодействие различных мега-, макро- и микропроцессов, их факторов и акторов в динамике столичной городской политики. Данные уровневые взаимосвязи влияют, прежде всего, на формирование общественно-политической повестки как московской региональной (субнациональной) политики, так и ряда отраслевых повесток государственной политики некоторых стран СНГ (доходы резидентских домохозяйств мигрантов и др.).

Обозначенное выше взаимодействие распадается на целый комплекс «прямых» и «обратных» связей. С одной стороны, международные условия прямо и косвенно воздействуют на деятельность и поведение макроакторов городской власти и управления (Мэрии и Московской городской думы (МГД)), поскольку последним приходится учитывать различные наднациональные условия и мегафакторы: продвижение интересов транснациональных и крупных национальных корпораций, работающих в политико-экономическом пространстве Москвы, проявление интересов миллионов зарубежных мигрантов из стран СНГ, осуществляющих трудовую деятельность в юрисдикции российского мегаполиса. С другой стороны, целый ряд современных результатов осуществления московской социально-экономической политики может влиять на положение таких заинтересованных акторов в зарубежных государствах, как, к примеру, развитие домохозяйств трудовых мигрантов из стран СНГ, получающих финансовую поддержку из ресурсов столичного бюджета и городского бизнеса.

Авторы полагают, что *глобальный (мировой) мегаполис* – это современный вид организации сверхкрупного городского поселения в относительно компактном социально-территориальном пространстве, который отличается от других исторических видов поселений своими специфическими демографическими (свыше 5–10 млн чел. населения и др.), финансово-экономическими (постиндустриальный и инновационный центр с крупнейшим валовым региональным продуктом (ВРП), финансово-инвестиционный хаб и др.), социокультурными (резервуар современных субкультур и др.), политико-управленческими (гиперкомплексное и многоуровневое городское управление и др.),

научно-техническими (концентрация интеллектуальных и технологических ресурсов и др.), информационно-коммуникативными (наличие особых средств массовой коммуникации (СМК) как коммуникативных центров-генераторов и др.) характеристиками, и наконец, трансгранично-сетевыми и мирополитическими взаимодействиями с зарубежными государствами, международными организациями, транснациональными корпорациями и другими глобальными акторами.

Возникает вопрос о характере подобных «прямых» связей – международных факторах и условиях осуществления экономической и социальной макрополитики в рамках московского мегаполиса, их воздействии на деятельность строительного комплекса и крупнейших девелоперских компаний как его базовых акторов, а также о роли зарубежных инвесторов программ строительства столичной недвижимости. И подобные «мега-макро» связи следует сгруппировать в два основных кластера – экономический и социальный.

Экономический блок подразумевает совокупное влияние ряда мегафакторов на процессы городского управления московским мегаполисом, связанные с прямым участием подразделений международного (иностранного и транснационального) бизнеса в функционировании и развитии столичной экономики. Данное участие распадается на следующие направления: организация работы городских предприятий промышленности, торговли и сферы услуг как филиальных подразделений зарубежного бизнеса; инвестиционное воздействие зарубежных финансовых ресурсов на экономическую жизнь столицы; владение и управление объектами недвижимости в Москве для осуществления деловой активности; воздействие и применение инновационных техник и технологий на модернизацию промышленных процессов в Москве; воспроизводство потоков зарубежных туристов, приезжающих в Москву и влияющих на развитие сектора гостеприимства в экономике города и т. д.

Многолетняя практика организации работы городских предприятий промышленности, торговли и сферы услуг как филиалов организаций зарубежного бизнеса динамично расширяла налоговую базу для городского бюджета, создавала новые рабочие места и привносила в текущий оборот новые управленческие технологии. Характерным примером выступала деятельность компании «*Renault* Россия» в Москве по производству легковых автомобилей, ярко демонстрировавшая такое направление зарубежного участия вплоть до ее ухода с московского рынка в мае 2022 г.

Ощутимо сказывалось воздействие потоков инвестиций зарубежных финансовых агентов и кумулятивное влияние их крупных ресурсов на экономическую активность столицы. Например, анализируемая в данной статье крупная строительная компания ПИК не так давно размещала ценные бумаги *SPO*, причем чистая выручка девелопера от *SPO* составила 35,9 млрд руб., а координаторами размещения выступали такие крупнейшие банки, как *JPMorgan*, *Morgan Stanley* и *Credit Suisse*. Размещение акций ПИК стало крупнейшей публичной продажей в строительной отрасли за последнее де-

сятилетие, где около 60% инвестиций пришлось на иностранных инвесторов⁵. Кроме того, уже более 10 лет (2012–2022 гг.) в структуре Мэрии Москвы издается специализированный ежеквартальный журнал *Capital Ideas* для зарубежных бизнесменов и инвесторов в московскую экономику, в том числе, привлекающий их деловое внимание для вхождения в московскую программу реновации. На начало 2022 г. доля остатков прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономике Москвы составляла 251,4 млрд долл. США, а общий объем остатков зарубежного участия в капитале московских предприятий составил почти 202,4 млрд долл. США⁶.

Здесь следует также отметить приобретение, владение и контроль объектов недвижимости в Москве для ведения деловой активности, которые прямо влияют на ход строительной политики. В 2022 г. иностранные компании владели в Москве почти 6 млн кв. метров коммерческой недвижимости. И самая большая доля иностранных собственников в Москве была в торговых центрах, где им принадлежало 18% площадей, или 1,2 млн кв. метров недвижимости⁷. Наконец, зарубежный бизнес оказывает инновационное технико-технологическое воздействие на производственно-экономические процессы в Москве, поскольку вплоть до начала специальной военной операции (СВО) на Украине и последовавших экономических санкций ряд крупных корпораций и зарубежных фирм были одним из базовых драйверов инноваций в городской экономике (Боос, Гохберг, Иванова и др., 2021: 20–24).

Тесно примыкающий к нему социальный блок взаимосвязей включает в себя воздействие на московскую политику труда и занятости; обмен зарубежным опытом и кадровое удовлетворение городских потребностей путем притока в столицу сообщества зарубежных высококвалифицированных специалистов и менеджеров; влияние на этнонациональную и мультикультурную политику Москвы, осуществляемое столичной Мэрией и Московской городской думой; учет и заимствование международного и сетевого опыта управления мегаполисами, городского планирования и ведения градостроительства; общее воздействие деятельности зарубежных трудовых мигрантов на развитие городского ландшафта и местной культуры.

Кратко отметим здесь и воздействие зарубежных трудовых ресурсов на развитие городского хозяйства и социальной сферы города, поскольку город продолжает испытывать потребности в рабочей силе. К примеру, на столичных стройках иностранных рабочих было 62 тыс. человек и не хватало еще 5 тыс. работников⁸. К этому же имело отношение и длительное кадровое воз-

⁵ Группа ПИК привлекла ₴36 млрд в ходе SPO (2021). *РБК*. 01 октября, 2021. Available at: <https://quote.rbc.ru/news/article/6156b50e9a7947594eccd813a> (дата обращения: 22.03.2022).

⁶ Иностранные инвестиции в экономике Москвы по итогам 2021 года (2021). *Официальный сайт Мэра Москвы*. б.д. Available at: <https://www.mos.ru/dvms/function/napravlenie-deyatelnosti/inostrannye-investicii/> (accessed 22.03.2022).

⁷ Иностранцы оказались владельцами каждого восьмого коммерческого объекта (2022). *РБК*. 29 апреля, 2022. Available at: <https://www.rbc.ru/business/29/04/2022/626a42fe9a7947575e4086ff> (дата обращения: 25.06.2022).

действие притока в столицу профессионального сообщества зарубежных высококвалифицированных специалистов и менеджеров. До начала СВО к указанным факторам примыкала также и постоянно растущая динамика потоков зарубежных туристов, приезжающих в Москву, что оказывало существенное влияние на состояние соответствующего городского сектора. А предыдущий фактор уже опосредованно воздействует еще и на развитие этноконфессиональной и мультикультуральной политики Москвы для интеграции части мигрантов в городское сообщество и городскую культуру, которая уже более четверти века осуществляется московскими органами власти (Мэрией и МГД). И, наконец, здесь нужно также учитывать заимствование международного и сетевого опыта управления современными мегаполисами, городского планирования и ведения градостроительства.

Для ранее определенных задач данной работы рассмотрим вопрос об упомянутых выше «обратных» связях как направлении воздействия уже некоторых результатов осуществления московской региональной и отраслевой политики на социально-экономическое развитие в ряде зарубежных стран, в частности, в рамках отраслевых повесток некоторых государств ближнего и дальнего зарубежья. Во-первых, это касается общих результатов (и поистине теперь глобальной) внешнеэкономической деятельности Москвы. По имеющимся данным Департамента внешнеэкономических и международных связей Мэрии Москвы, в 2021 г. зарегистрированные в Москве предприятия и организации осуществляли торговые операции с 232 странами мира, а внешнеторговый оборот между зарегистрированными в Москве организациями и зарубежными партнерами по итогам 2021 г. по сравнению с 2020 г. увеличился на 40,5 % и составил около 335 млрд долл.⁹

Следующий момент касается уже собственно отраслевой строительной политики Москвы. За последние пять лет в ходе развертывания программы московской реновации существенно увеличился общий объем производства материалов для городского стройкомплекса, в результате чего вырос и объем экспортно-импортных операций, сопутствующих нынешнему московскому строительному буму. По словам руководителя городского департамента инвестиционной и промышленной политики А.В. Прохорова, экспорт стройматериалов из Москвы за первые восемь месяцев 2021 г. достиг объема в 279,81 млн долл., что на 38,1% больше показателя за аналогичный период годом ранее¹⁰.

⁸ Стройкам Москвы не хватает 5 тысяч рабочих (2022). *Интерфакс*. 29 июня, 2022. Available at: <https://www.interfax.ru/moscow/849438> (дата обращения: 27.08.2022).

⁹ Внешняя торговля Москвы по итогам 2021 года (2021). *Официальный сайт Мэра Москвы*. б.д. Available at: <https://www.mos.ru/dvms/function/napravlenie-deyatelnosti/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/> (дата обращения: 22.03.2022).

¹⁰ Москва нарастила экспорт стройматериалов на 38,1% за январь–август (2021). *TACC*. 2 декабря, 2021. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/13087723> (дата обращения: 02.03.2022).

Наконец, следует отметить влияние хода миграции трудовых ресурсов в Москву и демографический отток рабочих мигрантов из ряда стран СНГ как на состояние занятости (снижение безработицы) в них, так и на уровень жизни и численности их народонаселения. Результаты привлечения мигрантов из ближнего зарубежья в городское хозяйство Москвы (прежде всего, в сферы строительства, ЖКХ, торговли и услуг) оказывают воздействие на социально-экономическое положение семей миллионов трудовых мигрантов ряда государств СНГ¹¹ и существенный рост доходов их домохозяйств, в том числе, за счет перечисления части зарплат трудовых мигрантов из Москвы. К примеру, в начале 2020-х гг. из 4,2 млрд долл., перечисленных в страны СНГ трудовыми мигрантами, на цели обеспечения семей уходило из них от 50 до 70%¹².

Вместо заключения: реконструкция и реновация и различия между ними

Таким образом, к существенным компонентам воздействия наднациональных мегафакторов на макропроцессы городского развития Москвы можно отнести роль использования зарубежных инвестиций, трудовых ресурсов мигрантов, экспортно-импортной политики в столичном строительном секторе и сопутствующих ему отраслях строительных материалов и инновационных технологий, а также необходимость и возможность учета мирового опыта в сфере современной урбанистики, управленческой и архитектурно-планировочной деятельности. И в частности, определенное позитивное влияние на инновационные процессы столичного развития должно оказывать компаративное изучение и использование продвинутого зарубежного опыта реформирования городской среды и модернизации старых районов массовой жилой застройки так называемого «индустриального периода».

Однако это также вызывает ряд вопросов. Каким образом государственным органам можно и нужно модернизировать уже сложившиеся микрорайоны панельной малоэтажной застройки в крупных городах мира? В чем заключаются базовые *альтернативы городского развития и модернизационного девелопмента*? Кроме мегаполисов и городов-миллионников в России, столкнувшихся с проблемами реформирования и обновления массовой городской застройки, крупные проекты по обновлению и санации жилого фонда проводились как в странах бывшего социалистического блока (Прибалтика, Чехия, Польша, восточная часть Германии (бывшая ГДР)), так и в развитых капиталистических странах (Франция, Финляндия, и др.). Как правило, эти проекты сводились к двум основным путям проектирования реформ. Первый путь заключался в умеренной *реконструкции* домов, т.е. обновлении их инфраструктуры, изменении размеров жилой площади, перепланировке

¹¹ В первую очередь это касается Узбекистана, Киргизии и Таджикистана.

¹² Трудовые мигранты смогут отправлять переводы на родину в кредит (2021). *Ведомости*. 5 октября, 2021. Available at: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2021/10/05/889841-trudovie-migranti> (дата обращения: 02.03.2022).

квартир, новому дизайну благоустройства среды. Второй путь, получивший в российском дискурсе вполне дипломатичное название «реновация», предполагал радикальный снос жилого фонда с переселением жителей в новые дома и изменение прежнего архитектурного дизайна микрорайона. При этом в ряде европейских государств основное предпочтение отдавалось первому варианту, например, в Чехии за последние десятилетия было снесено около 1% подобной массовой застройки, во Франции – лишь 3%, в Германии – 19%.

В настоящее время в экспертном сообществе существуют два базовых и альтернативных варианта для принятия политико-стратегических решений и долгосрочных программ в сфере современного городского развития и модернизационного девелопмента – *реконструкция и реновация*. В чем же заключаются преимущества первого и недостатки второго в свете критического анализа московского опыта? Во-первых, вариант умеренной реконструкции имеет ряд преимуществ перед альтернативой радикальной реновации, что связано с улучшением жилищных условий и модернизацией инфраструктуры дома; сохранением локальных сообществ микрорайонов; относительно незначительным уплотнением площади застройки; адекватным контролем над планированием и реализацией проектов инвесторами-застройщиками; бережным сохранением городской экологии; возможностью у жителей выступить в качестве соинвесторов (даже несколько приобрести на использовании ресурсов реконструкции) и пр. Во-вторых, вариант тотальной и радикальной реновации обычно характеризовался экспертным сообществом как не вполне обоснованный и имеющий целый ряд существенных недостатков, которые были связаны с дороговизной сноса и постройки новых коммуникаций; цикличностью строительства и выбытия массового жилья из строя; разрушением сложившихся местных сообществ; резким уплотнением застройки и повышением нагрузки на объекты социальной инфраструктуры и улично-дорожную сеть, а также негативным воздействием на городскую экологию и окружающую среду и т. п.

Как раз о подобных недостатках реновации (и на ярком контрасте с позитивным опытом реконструкции) подробно говорится в работе уфимского специалиста по компаративной политической урбанистике Марии Мельниковой «Не просто панельки: немецкий опыт работы с районами массовой застройки» (2020), где анализируется постсоциалистический эксперимент Германии по реконструкции панельных пятиэтажных зданий и заключается, что опыт московской реновации (как радикальный снос с новым строительством и переселением) по ряду негативных причин и последствий неприемлем для большинства российских крупных городов. По данному поводу она отмечает, что «инструмент Градостроительного Кодекса «Развитие застроенных территорий» чаще всего используется просто для сноса ветхого фонда с целью освобождения территорий под новое строительство» (Мельникова, 2020: 10–15). Таким образом, развитие городских территорий в России на городском уровне воспринимается как преобразование физического пространства, а не существенное повышение качества размещения и проживания людей.

Примерно к таким же выводам приходят ученые-урбанисты в рамках совместного исследовательского проекта Европейского университета, Тартуского университета и Института изучения социального пространства им. Лейбница «Жилье после трансформации» (2018–2021 гг.). Исследование предполагало всестороннее и компаративное рассмотрение подобных модернизационных процессов реконструкции при помощи проведения серии кейс-стади в микрорайонах массовой индустриальной застройки Берлина, Таллина, Санкт-Петербурга и др.¹³

Российские крупные девелоперы сумели пролоббировать в Москве длительную, объемную и затратную программу реновации. В процессе обсуждения проектов программы московской реновации частью экспертного сообщества приводились убедительные аргументы в пользу альтернативы реконструкции старого жилого фонда Москвы и против варианта реновационной реформы. Но, как говорится и нередко водится, «силу аргумента победил аргумент силы». Повышение высотности и плотности застройки затрудняет прямые коммуникации собственников жилья, формирование их гражданских объединений и управление многоквартирными домами ввиду увеличивающегося числа собственников, где их может насчитываться и более 1–2 тыс. чел. И в долгосрочной перспективе (30–50 лет) ситуация с моральным и физическим износом построенных панельных домов может повториться. Однако если учитывать коэффициент реновации по расчетам НПЦ «Развитие города», реконструировать и сносить придется площадь в 2,7 раза кв. метров больше. Далее, большой масштаб бюджетных расходов и высокие темпы строительства возможно не позволят выполнить обязательства в полном объеме, и, вероятно, параметры реновации в будущем могут быть пересмотрены. В итоге реновация спровоцирует отложенный спрос, поскольку москвичи, проживающие в сносимом жилье, будут терпеливо ждать бесплатного переселения в квартиру от города.

Как российским девелоперам удалось обосновать и пролоббировать дорогую и масштабную программу московской реновации? Каким образом получилось аргументировать необходимость принятия пакета публичных решений на федеральном и региональном уровнях? Попытку ответа на эти вопросы можно будет найти во второй части исследования.

Список литературы

1. Almond G.A. and Powell G.B. (eds) (1988) *Comparative Politics Today: A World View*. 4th ed. Glenview, Ill: Scott, Foresman/Little, Brown College Division.
2. Baumgartner F.R. and Leech B.L. (2001) *Basic Interests: The Importance of Groups in Politics and in Political Science*. Princeton: Princeton University Press.

¹³ См. подробнее о результатах реализации политико-компаративных кейс-проектов “Estates After Transition (EAT)”. Available at: <https://www.estatestransition.org>

3. Baumgartner F.R., Berry J.M., Hojnacki M., et al. (2009) *Lobbying and Policy Change: Who Wins, Who Loses, and Why*. Chicago London: The University of Chicago Press.
4. Beissinger M.R. (2022) *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton: Princeton University Press.
5. Berry J.M. and Wilcox C. (2018) *The Interest Group Society*. Sixth Edition. New York: Routledge, Taylor & Francis Group.
6. Dahan N.M., Hadani M. and Schuler D.A. (2013) The Governance Challenges of Corporate Political Activity. *Business & Society* 52(3): 365–387. DOI: 10.1177/0007650313491470.
7. Dörrenbächer C. and Geppert M. (2009) Micro-political Games in the Multinational Corporation: The Case of Mandate Change. *Management Review* 20(4): 373–391. DOI: 10.5771/0935-9915-2009-4-373.
8. Drutman L. (2015) *The Business of America Is Lobbying: How Corporations Became Politicized and Politics Became More Corporate*. Oxford-New York, NY: Oxford University Press.
9. Eulau H. (1969) *Micro-Macro Political Analysis: Accents of Inquiry*. Chicago: Aldine Publishing Company.
10. Eulau H. (1996) *Micro-Macro Dilemmas in Political Science: Personal Pathways through Complexity*. Norman: University of Oklahoma Press.
11. Hillman A.J. and Hitt M.A. (1999) Corporate Political Strategy Formulation: A Model of Approach, Participation, and Strategy Decisions. *The Academy of Management Review* 24(4): 825–842. DOI: 10.2307/259357.
12. Lawton T., McGuire S. and Rajwani T. (2013) Corporate Political Activity: A Literature Review and Research Agenda: Corporate Political Activity. *International Journal of Management Reviews* 15(1): 86–105. DOI: 10.1111/j.1468-2370.2012.00337.x.
13. Morgan G. (2011) Reflections on the Macro-Politics of Micro-Politics. In: Dörrenbächer C. and Geppert M. (eds) *Politics and Power in the Multinational Corporation: The Role of Institutions, Interests and Identities*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 415–436. DOI: 10.1017/CBO9780511973352.014.
14. Nownes A.J. (2006) *Total Lobbying: What Lobbyists Want (and How They Try to Get It)*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
15. Schuler D.A., Rehbein K. and Green C.D. (2019) Is Corporate Political Activity a Field? *Business & Society* 58(7): 1376–1405. DOI: 10.1177/0007650316680206.
16. Автономов А.С. (2004) *Азбука лоббирования*. Москва: Права человека.
17. Белоусов А.Б. (2005) *Лоббизм как политическая коммуникация*. Екатеринбург: Уральское отделение РАН.
18. Боос В.О., Гохберг Л.М., Иванова Е.А. и др.; под ред. Гохберга Л.М., Куценко Е.С. (2021) *Инновационная Москва: стратегические вызовы и тактические ответы*. Доклад, НИУ ВШЭ, Москва. DOI: 10.17323/978-5-7598-2386-5.
19. Веретенникова О.Б., Шатковская Е.Г. (2012) Экономическая политика на макро- и микроуровнях. *Известия Иркутской государственной экономической академии* 2: 2.
20. Дегтярев А.А. (2020) «Дуальность оптики» политико-аналитической работы: проблема конверсии макро-микро-анализа в цикле GR-менеджмента. *Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы: Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием*, Москва, 27–28 ноября 2020, с. 168–170. Москва: Московский педагогический государственный университет.
21. Каневский П.С. (2019) *Институт лоббизма в XXI веке: сравнительный анализ*. Москва: Канон.
22. Кириянова Н.Г. (2007) *Общество в контексте глобально-локальных отношений*. Томск: Дельтаплан.
23. Лебедева М.М. (2019) Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике. *Ойкумена. Регионоведческие исследования* 1: 7–16. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/7-16.

24. Мельникова М. (2020) *Не просто панельки: немецкий опыт работы с районами массовой застройки*. Уфа.
25. Мусиенко Т.В. (2001) Генезис микрополитики как области компаративного политического знания. *Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии* 4(17): 242–258.
26. Мусиенко Т.В. (2003) *Микрополитика в современном мире*. Москва: Наука.
27. Павроз А.В. (2016) *Лоббизм: институциональные основания и практики политического влияния в демократических обществах*. Санкт-Петербург: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии.
28. Перегудов С.П. (2006) *Крупная корпорация как субъект публичной политики*. Москва: Издательский дом ГУ-ВШЭ.
29. Прохоров А.В. (2021) Стратегическое развитие мировых мегаполисов: систематизация факторов влияния. *Управление рисков* 4: 16–25.
30. Сассен С. (2007) Глобальный город: введение понятия. В книге: Слукса А.Н. (отв. ред.) *Глобальный город: теория и реальность*. Москва: Аванглион, с. 9–27.
31. Сморгунев Л.В. (2016) Взаимодействие государства и бизнеса в России: от лоббизма к корпоративной публичной политике. *Наука и образование; хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление* 4(71): 100–104.
32. Федякин И.В. (2015) *Политика формирования и развития мегаполисов: зарубежные модели и российские реалии*. Москва: Социально-политическая мысль.
33. Чихарев И.А., Рамонова М.А. (2011) Понятие и основные концепции многоуровневого управления в мирополитическом дискурсе. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки* 5: 3–16.

Comparative Politics. Volume 13. No. 1–2. January–June / 2022
DOI 10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-38-57

SPECIFIC FEATURES OF BIG CORPORATIONS LOBBYING IN THE POLITICAL DYNAMICS OF GLOBAL MEGAPOLIS (CASE OF THE HOUSING RENOVATION PROGRAM IN MOSCOW). PART 1

Dr Andrei A. DEGTYAREV – Associate Professor, RUDN University.
ORCID: 0000-0001-8167-209. E-mail: andrew.a.degtyarev@gmail.com
6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow, Russia, 117198.

Artem S. POTAPKIN – MA Student, School of Governance and Politics, MGIMO University.
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received October 11, 2022

Accepted December 7, 2022

Acknowledgments: This research was supported by a grant from MGIMO University for the implementation of scientific work by young researchers under the guidance of doctors or candidates of science.

Abstract: The article addresses the micro-processes of the PJSC PIK's lobbying activity in the context of the political and managerial dynamics in the global (world) city of Moscow. The study introduces and substantiates the concept of "spatial conversion" as a cyclical process of considering and incorporating individual and group interests of individual top managers and business organizations as political stakeholders in the framework of their activities for the generation of political rent and maximizing economic profit. The first part of the paper analyzes the impact of the international context, its conditions and factors on the implementation of construction policy and lobbying of large developers. The article distinguishes between the terms "lobbying" as a micro-political activity carried out by non-government stakeholders and "lobbyism" as a system of functional interest representation in a specific area.

Keywords: lobbying activity, global (world) city, micro-lobbying, spatial conversion, macro-system of sectoral lobbying

References:

1. Almond G.A. and Powell G.B. (eds) (1988) *Comparative Politics Today: A World View*. 4th ed. Glenview, Ill: Scott, Foresman/Little, Brown College Division.
2. Baumgartner F.R. and Leech B.L. (2001) *Basic Interests: The Importance of Groups in Politics and in Political Science*. Princeton: Princeton University Press.
3. Baumgartner F.R., Berry J.M., Hojnacki M., et al. (2009) *Lobbying and Policy Change: Who Wins, Who Loses, and Why*. Chicago London: The University of Chicago Press.
4. Beissinger M.R. (2022) *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton: Princeton University Press.
5. Berry J.M. and Wilcox C. (2018) *The Interest Group Society*. Sixth Edition. New York: Routledge, Taylor & Francis Group.
6. Dahan N.M., Hadani M. and Schuler D.A. (2013) The Governance Challenges of Corporate Political Activity. *Business & Society* 52(3): 365–387. DOI: 10.1177/0007650313491470.
7. Dörrenbächer C. and Geppert M. (2009) Micro-political Games in the Multinational Corporation: The Case of Mandate Change. *Management Review* 20(4): 373–391. DOI: 10.5771/0935-9915-2009-4-373.
8. Drutman L. (2015) *The Business of America Is Lobbying: How Corporations Became Politicized and Politics Became More Corporate*. Oxford-New York, NY: Oxford University Press.
9. Eulau H. (1969) *Micro-Macro Political Analysis: Accents of Inquiry*. Chicago: Aldine Publishing Company.
10. Eulau H. (1996) *Micro-Macro Dilemmas in Political Science: Personal Pathways through Complexity*. Norman: University of Oklahoma Press.
11. Hillman A.J. and Hitt M.A. (1999) Corporate Political Strategy Formulation: A Model of Approach, Participation, and Strategy Decisions. *The Academy of Management Review* 24(4): 825–842. DOI: 10.2307/259357.
12. Lawton T., McGuire S. and Rajwani T. (2013) Corporate Political Activity: A Literature Review and Research Agenda: Corporate Political Activity. *International Journal of Management Reviews* 15(1): 86–105. DOI: 10.1111/j.1468-2370.2012.00337.x.
13. Morgan G. (2011) Reflections on the macro-politics of micro-politics. In: Dörrenbächer C. and Geppert M. (eds) *Politics and Power in the Multinational Corporation: The Role of Institutions, Interests and Identities*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 415–436. DOI: 10.1017/CBO9780511973352.014.
14. Nownes A.J. (2006) *Total Lobbying: What Lobbyists Want (and How They Try to Get It)*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
15. Schuler D.A., Rehbein K. and Green C.D. (2019) Is Corporate Political Activity a Field? *Business & Society* 58(7): 1376–1405. DOI: 10.1177/0007650316680206.

16. Avtonomov A.S. (2004) *Azbuka lobbirovaniya* [The ABC of Lobbying]. Moscow, Prava cheloveka. (In Russian).
17. Belousov A.B. (2005) *Lobbizm kak politicheskaya kommunikaciya* [Lobbyism as Political Communication]. Ekaterinburg: Ural'skoe otделение RAN. (In Russian).
18. Boos V.O., Gokhberg L.M., Ivanova E.A. and etc.; ed. Gokhberga L.M., Kutsenko E.S. (2021) *Innovatsionnaya Moskva: strategicheskie vyzovy i takticheskie otvety* [Innovative Moscow: Strategic Challenges and Tactical Responses]. Report, NIY VHE. Moscow. DOI: 10.17323/978-5-7598-2386-5. (In Russian).
19. Chiharev I.A., Ramonova M.A. (2011) Ponyatie i osnovnye koncepcii mnogourovnevnogo upravleniya v miropoliticheskom diskurse [Definition and Main Concepts of Multilevel Management in Micropolitical Discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Ser. 12. Politicheskie nauki [MSU Review. Series 12. Political Science] 5: 3–16. (In Russian).
20. Degtyarev A.A. (2020) "Dual'nost' optiki" politiko-analiticheskoy raboty: problema konversii makro-mikro-analiza v cikle GR-menedzhmenta [«Duality of Optics» in Political-Analytical Work: The Problem of Converting from a Macro-Micro Analysis in the GR-management Cycle]. *Politicheskoe predstavitel'stvo i publichnaya vlast': transformacionnye vyzovy i perspektivy: Materialy Yezhegodnoy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Moskva, 27–28 noyabrya 2020* [Political Representation and Public authority: Transformational Challenges and Prospects: Proceedings of the Annual All-Russian Scientific Conference with International Participation, Moscow, November 27–28, 2020]. pp. 168–170. Moscow: Moscow State Pedagogical University. (In Russian).
21. Fedyakin I.V. (2015) *Politika formirovaniya i razvitija megapolisov: zarubezhniye modeli i rossiyskie realii* [The Policy of Forming and Development of Megapolises: Models and the Russian Reality]. Moscow: Sotsialno-politicheskaya mysl. (In Russian).
22. Kanevskij P.S. (2019) *Institut lobbizma v XXI veke: sravnitel'nyj analiz* [The Institution of Lobbyism in the 21 Century: Comparative Analysis]. Moscow: Kanon. (In Russian).
23. Kiryanova N.G. (2007) *Obshchestvo v kontekste globalno-lokalnyh otnoshenij* [Society in the Context of Global and Local Relations]. Tomsk: Deltaplán. (In Russian).
24. Lebedeva M.M. (2019) Transformaciya roli gorodov i vnutrigosudarstvennyh regionov v mirovoj politike [Transformation of the Role of Cities and Domestic Regions in World Politics]. *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researches] 1: 7–16. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/7-16. (In Russian).
25. Melnikova M. (2020) *Ne prosto panelki: nemeckij opyt rabot' s rajonami massovoj zastrojki* [Not Just Panel Houses: the German Experience of Working with Mass Housing Districts]. Ufa. (In Russian).
26. Musienko T.V. (2001) Genezis mikropolitiki kak oblasti komparativnogo politicheskogo znaniya. [The Genesis of Micropolitics as a Field of the Comparative Politics Knowledge]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo filiala Rossijskoj tamozhenoj akademii* [Scientific notes of the St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy] 4(17): 242–258. (In Russian).
27. Musienko T.V. (2003) *Mikropolitika v sovremennom mire* [Micropolitics in the Modern World]. Moscow: Nauka. (In Russian).
28. Pavroz A.V. (2016) *Lobbizm: institucional'nye osnovaniya i praktiki politicheskogo vliyaniya v demokraticeskikh obshchestvakh* [Lobbyism: Institutional Foundations and Influence Practices in Democratic Societies]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Russkoj Hristianskoj gumanitarnoj akademii. (In Russian).
29. Peregudov S.P. (2006) *Krupnaya korporaciya kak sub»ekt publichnoj politiki* [Large Corporation as Subject of Public Policy]. Moscow, Izdatel'skij dom GU-VSHE. (In Russian).
30. Prohorov A.V. (2021) Strategicheskoe razvitie mirovyh megapolisov: sistematizaciya faktorov vliyaniya [Strategic Development of World Megacities: Systematization of Factors of Influence]. *Upravlenie riskom* [Risk Management] 4: 16–25. (In Russian).

31. Sassen S. (2007) *Globalniy gorod: vvedenie ponjatija* [Global City: Introduction]. In: Sluka A.N. (Ed.) *Globalniy gorod: teorija i praktika* [Global City: Theory and Practice]. Moscow: Avanglion. (In Russian).
32. Smorgunov L.V. (2016) «Vzaimodejstvie gosudarstva i biznesa v Rossii: ot lobbizma k korporativnoj publichnoj politike» [Interaction between State and Business in Russia: from Lobbying to Corporate Public Policy]. *Nauka i obrazovanie; hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and Education, Economy and Economics, Entrepreneurship, Law and Administration] 4(71): 100–104. (In Russian).
33. Veretennikova O.B., Shatkovskaya E.G. (2012) *Ekonomicheskaya politika na makro- i mikrourovnyah* [Economic Policy at Macro- and Micro-levels]. *Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoy akademii* [Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy] 2: 2. (In Russian).